

В. АЛТОВ

ЮНОСТЬ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

УР 82
А 58

Op 82
A58

В. АЛЬТОВ

**ЮНОСТЬ
МУСЫ
ДЖАЛИЛЯ**

Оренбургская областная
книжная палата им. Н. Н. Морозова

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК. 1969

537904

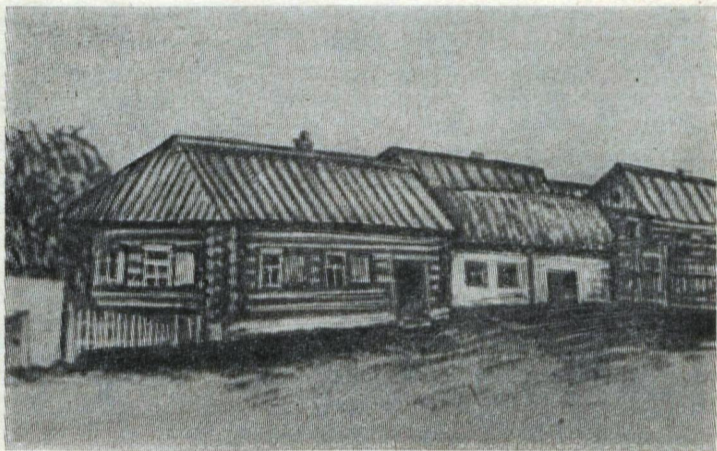
ОТЧИЙ ДОМ

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую.

А. Кольцов

... **В** 137 километрах от Оренбурга на Казанском тракте стоит старинное татарское село Мустафино. По тем временам это было большое село — «195 домохозяев, 812 душ обоего пола». Вытянулось оно вдоль большака на чуть приподнявшемся над долиной берегу мелководной, теряющейся в камышах речушки Нети. За селом тихие заводи, блюдца степных озер, а вдали за Салмышом, к которому лениво, словно нехотя, тянется Неть, горбится гряда невысоких, сглаженных веками увалов, а еще дальше поднимаются над степью горы Бурлы-тау и Колама-тау.

Тут, в селе Мустафино Шарлыкской волости Исаево-Дедовского уезда, в многодетной бедняцкой семье Мус-

В этой избе на Мустафинской улице родился Муса

тафы Залилова 15 февраля 1906 года родился Муса. Тут, на берегах Нети и Салмыша, в степном раздолье прошло его босоное детство.

Был отец добрым человеком, помогал всем и вся. Мустафу в селе считали неудачником. Ему и впрямь всю жизнь не везло. Крестьянствовал — не сводил концов с концами. Завел небольшую бакалейную лавчонку в своем селе — скоро разорился, да так, что пришлось продать и землю, и приземистую избенку, и корову да еще попасть в долговую тюрьму. В поисках заработка отправился в Оренбург... Вела его в город еще и потаенная мечта — выбиваясь из сил, хотел он дать детям образование...

Чего только не делал, чтобы выбиться из нужды. Сосед был старьевщиком. Попробовал и Мустафа-ага,

Обходил дворы богатых людей, собирал старые вещи, всякие обноски, вместе с матерью подновлял, пришивал пуговицы, чистил, нес на барахолку. Шутками-прибаутками умело зазывал он покупателей. Пригляделся купец, как ухитряется Мустафа сбывать вещи, которые, казалось, уже ничего не стоили, взял в приказчики. Но недолго продолжалась служба в лавке — купец уехал, продал недвижимое имущество. Мустафе пришлось податься в пекари — и там долго не продержался. Работал дворником, затем стал коробейником — бродил по окрестным селам с ходовыми товарами. Но все это не приносило больших денег, а надо было еще за квартиру платить, что снимали вначале в подвале одного из зданий медресе на Гостинодворской улице, а потом на городской окраине. С горя Мустафа стал пить — водка хоть на время застилала невзгоды розовым туманом...

Мать — Рахима-апа безропотно несла свою тяжкую долю. Она умела прятать свои чувства. Дети видели ее улыбающейся, она всегда подбадривала их, умела шуткой разрядить обстановку. И они радовали ее. Ибрагим уже выходил в люди, заканчивал учительские курсы, Муса учился в медресе «Хусаиния». Хадича и Зайнаб росли послушными, старательными, с малых лет помогали матери по хозяйству. У нее ведь кроме домашних дел были и другие заботы: чтобы содержать семью, Рахима-апа занималась шитьем, работала по найму.

...На углу пересекающихся наискось улиц стоит остроконечное белокаменное здание. Окруженное деревьями, оно словно корабль, плывущий по зеленым волнам. За ним возвышается минарет мечети. Сейчас в этом доме размещается агрономический факультет Оренбургского сельскохозяйственного института. На торцовой стене мемориальная доска. Золотом горят слова: «В этом здании в 1916—1918 годах учился Муса Джалиль, известный та-

Агрономический факультет Оренбургского сельскохозяйственного института. В те годы тут была медресе «Хусаиния», в которой учился Залилов

тарский поэт, Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии».

Тогда тут на перекрестке Гостинодворской и Безаконской улиц была духовная школа для татарских детей, медресе «Хусаиния», основанная оренбургским богачем Хусаиновым. В эту дверь каждый день входил, по этим ступеням поднимался Муса Залилов. Тут забивали голову воспитанникам-шакирдам заучиванием наизусть всех 114 сур корана, освоением шариата и других «учений», столь же далеких от науки, как небо от земли... Но медресе считалось «новометодной», тут в отличие от других духовных учебных заведений преподавались и светские науки.

Муса в те годы увлекся чтением. Неподдалеку от мед-ресе размещалась татарская библиотека «Белек» («Зна-ние»). Мальчик стал ее завсегдатаем. Особенно полюби-лись ему стихи. Читал Габдуллу Тукая, Омара Хайяма, Маджита Гафури. Прочитав восторженные строки Тукая о Пушкине, он попросил томик стихов русского поэта, переведенных на татарский язык.

Дома Муса собирал домашних и, поднявшись на ска-мейку, декламировал полюбившиеся строки:

С детских лет, великий Пушкин,
каждый стих твой мне знаком,
Насладился я плодами,
побывав в саду твоём.

Потом по просьбе матери читал другие стихи Тукая, которые знал наизусть — «Бедный зайчик», «Сказку о козе и баране», «Шакирд или одна встреча». Это стихо-творение о крестьянском мальчике, идущем трудным пу-тем к знаниям, особенно любила Рахима-апа. Было в нем что-то щемяще-знакомое, отчего на глазах выступали слезы:

Бродил я по улицам в посвисте вьюг,
И в белой поземке заметил я вдруг —
Какой-то школяр на учебу идет,
Слегка отдохнет на снегу и вперед.
Шагнет, остановится, снова шагнет,
Мороз его жжет, и метель его гнет.
Пимы-то разбиты, в лохмотьях бешмет,
И все-таки в школу бредет — не одет,
И жметя в лохмотьях пальто своего,
И ветер насквозь продувает его...

Мусе очень хотелось иметь свою библиотечку, но де-нег на книги не было. Тогда он нашел выход. Разрезал на четвертушки тетрадь, аккуратно сшил маленькие кни-жечки — в одну переписал любимые стихи Тукая, в дру-гую — Пушкина, в третью — сказку, услышанную от ма-

тери, в четвертую — рассказ, сочиненный им самим. К каждой книжке нарисовал обложку, украсил страницы заставками, виньетками, шмуцами. Но книг было мало — какая же это библиотека? Надо было расширять круг авторов. Стал просить Ибрагима, но тот отшутился, сказав, что он отказывается от лавров писателя. Зайнаб оказалась более податливой. Она рассказала брату сказку, а Муса старательно записал и поставил ее подпись. В «книжном шкафу», которым исправно служил подоконник, появилось еще одно произведение — сказка З. Залиловой.

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ошупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
В. Маяковский

— Рахима-апа, пусть твой младшенький письмо напишет, — попросила неграмотная соседка.

Муса расспросил, о чем она хотела написать мужу на германский фронт. Взял грифельную доску, писал, стирал, снова писал и снова стирал. Закия успела поговорить с матерью о своем житье-бытье, обо всех городских новостях, а Муса все сочинял. Соседка, тайком поглядывавшая на мальчика, совсем было разуверилась в его способностях, но Муса взял листок бумаги, старательно переписал письмо карандашом и стал читать.

Восторгу Закии не было границ — письмо получилось таким «складным», а концовка написана даже стихами. Потом чуть не каждый день стали приходиться женщины с одной просьбой — написать и для них. Муса недоумевал — откуда им известно, что он может писать стихами, но все же старался, никому не отказывал.

Услышал об этом учитель и поэт Тухват Ченакай, пришел в медресе, разыскал юного стихотворца. Им оказался мальчик маленького роста, совсем еще ребенок, робкий, застенчивый.

— Это правда, что ты стихи пишешь?

— Пишу,— опустив очи долу, ответил шакирд.

— Покажи мне их, Муса.

— Прямо сейчас?

— Да нет, приходи вечером ко мне домой...

Ченакай прочитал детские наивные строки и, стараясь не обидеть маленького автора, повел с ним деликатный, но честный разговор. Он посоветовал, как и о чем писать, преподал мальчику азы стихосложения. С того дня Муса приносил все новые стихи своему старшему другу. Тот умело направлял ход мыслей Мусы, критиковал его и искренне радовался, что Муса не обижается.

...Зима 1916 года выдалась суровой. Морозы стояли свирепые, и люди неохотно высывали нос на улицу. А на базаре шло представление — молодой узбек-канатоходец демонстрировал свое искусство прямо на площади — стальной канат был натянут высоко между домами. И парень в легких шароварах, ярко расшитых бисером, и шелковой рубашке с короткими рукавами босиком ходил из конца в конец. Он улыбался, но Муса, которому и в теплой одежде было зябко, чувствовал, как холодно там, наверху, канатоходцу, все лицо его и руки были пунцовыми от стужи. А внизу толпу обходила девушка с тубеткой — люди бросали монетки.

— Он же заболит и умрет, — прошептал Муса двоюродной сестре Марьям.

— Это его кормит, — ответила сестра.

— Как же у него ноги не прилипают к железу? — не успокаивался впечатлительный Муса. Ему сразу припомнилось, как еще в Мустафино по совету приятеля он лизнул однажды языком дверную ручку и как потом чуть ли не месяц, казалось, все во рту горело от боли.

Через две недели по городу прошел слух, что канатоходец умер от воспаления легких. Потрясенный этим, Муса в один присест написал стихотворение «Против злодеев». Это был гневный протест против жестокой жизни, когда человек должен губить свой талант, чтобы не погибнуть от голода.

— Молодец, Муса, — похвалил его Ченакай, — это, пожалуй, твое первое настоящее стихотворение.

Окрыленный вернулся домой десятилетний поэт. А на следующий день листок со стихотворением исчез бесследно. Все обыскал Муса, посмотрел под лавкой, под столом, под кроватью, перерыл всю свою библиотеку, даже в сундуке у матери порылся — нет листка. И только спустя несколько дней отец вспомнил...

К ним пришел родственник. Как полагается, посидели за самоваром, почаяевичали, поговорили. А когда гость собрался уходить, вспомнил, что одна галоша у него «хлюпает».

— Дай-ка, Мустафа, бумажку подложить...

Отец поискал, увидел на подоконнике исписанные тетрадные листки, подал гостю. Тот скомкал бумагу, сунул в галошу. Так и ушло вместе с ним стихотворение.

Муса даже заплакал от горя. Но мать успокоила:

— Зачем слезы лить, сынок? Еще напишешь...

И Муса писал. А когда сестра спросила однажды, кем бы он хотел стать, Муса серьезно ответил:

— Таким поэтом, как Габдулла Тукай.

Вскоре Муса написал стихотворение, в котором с гневом осуждал войну, принесшую столько горя в трудовые семьи. Впервые рискнул юный поэт послать свои стихи в татарскую газету «Вақыт» («Время»). Искал стихи в газете — нет, письма из редакции тоже не было. Так и не дождался ответа...

...Кумачовым разливом пришла в город революция. Всюду алые флаги, красные банты, ленточки. Но потом власть в городе захватили дутовцы. Начались аресты, расстрелы. В морозном январе 1918 года мальчишки первыми встречали вступивших в город красных бойцов. Шакирды медресе раскололись на два враждебных лагеря: в одном — дети богатеев, в другом — такие, как Муса. Ученье не шло на ум. Мальчишки носились по улицам, где каждый день происходили какие-то события.

Ранней весной в темную апрельскую ночь на Оренбург налетели дутовцы. Страшным был этот набег. Озверевшие казаки, захватив врасплох красногвардейцев в одном из зданий бывшего кадетского корпуса, зарубили более ста человек, не пощадили женщин и детей, приехавших навестить своих. В эту ночь погибло 129 человек. Только к обеду удалось выбить белых бандитов из города. Муса с Ибрагимом ходили на похороны. Это была жуткая картина — 129 гробов у братской могилы перед зданием Дворца Труда и тысячи людей на огромной Соборной площади. Мусу тяжело потрясла мученическая смерть незнакомых ему людей. Он стоял бледный, как полотно, внутри словно все перевернулось. Может быть, в те минуты он понял по-настоящему, что такое ненависть.

Вернувшись домой, Муса написал для стенной газеты статью, в которой слово выплеснулась его мальчишеская ненависть к убийцам.

Летом в Оренбург снова ворвались дутовцы, а спустя полгода в январе девятнадцатого их теперь уже навсегда вышвырнули из города. Но еще долгие месяцы Оренбург был в осаде, фронт проходил совсем рядом — у Нежинки, под Гребенями и даже в Зауральной роще стояли белоказаки. Время от времени над городом грохотали разрывы снарядов, почти непрерывно шла перестрелка. Были дни, когда гудки заводов гудели, как набат, когда, казалось, еще натиск — и не удержать обескровленным рабочим полкам Оренбурга. Но на смену погибшим шли новые бойцы.

Именно в один из таких дней 23 июня 1919 года Муса прибежал в бывшую купеческую биржу, где помещался клуб коммунистов. Здесь проходило собрание молодежи фронтного города. О собрании он узнал из афиш, расклеенных по всему городу. «Мы зовем наших юных друзей в ряды Российского Коммунистического Союза Молодежи!» — призывали афиши. Когда Муса читал по слогам мало понятные русские слова, какая-то тетка сказала со злостью:

— Вернутся казаки — такой союз плетями всыпят, не сядешь...

...С докладом выступал Александр Коростелев. Не раз его речь прерывали разрывы снарядов. Один разорвался в нескольких десятках метров на Хлебной площади. Мешали докладчику не только снаряды. В зале шумели, выкрикивали гимназисты, бойскауты.

Потом началась запись в комсомол. В те дни в РКСМ принимали без рекомендаций и обсуждения. Только мужественные, готовые без промедления отдать жизнь за молодую республику Советов, становились тогда комсомольцами.

К столику, за которым сидели симпатичная черноокая

девушка и еще двое незнакомых людей, подходили парни и девчата, называли фамилии, место работы, учебы.

— Нестеров Михаил, пожарник.

— Меня запиши. Иван Елисеев, пекарь.

— Курилова Нюра, Чубарова Лиза, — назвали себя девушки в форменных платьях гимназисток. Их тоже усадили за стол, и они стали вести запись.

Муса дважды просил записать и его, но получал отказ. Он был маленького роста и выглядел не старше десяти лет, как он ни доказывал, что ему четырнадцатый пошел.

Долго упрашивал старших и тринадцатилетний Ваня Матюшин.

— Запиши меня, Нюра, — умолял он Курилову. — Я хорошо буду работать. Стихи умею писать про попов и пузатых купцов... Запиши, Нюра.

Нюра посоветовалась с Перой Жук, Михаилом Здобновым, Василием Александровым. И вот в списке появляется фамилия Матюшина.

— А меня зачем не пишешь? — в третий раз подошел Муса.

Тогда ему поручили создать в медресе группу бедняцкой молодежи и подготовить ее к вступлению в комсомол. Сказали, что в ближайшее время будет создана татарская ячейка и тогда всех достойных ребят примут.

Записали и еще двоих тринадцатилетних — Витю Розина и Дусю Сапыгину. 109 человек стали первыми комсомольцами Оренбурга. Записался и 110-й, но потом прибежал и попросил вычеркнуть: «Папа и мама не велят».

Почти все комсомольцы сразу после собрания ушли в окопы. Мусе и другим «малолеткам» оружия не дали. Они стали связными комсомольского комитета. А Муса скоро овладел другим оружием.

В то время в Оренбурге выходила красноармейская

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66